

Глава II

Доброе утро в Митине

Почти всю ночь я не спал. Во-первых, волновался перед праздником, за которым надо будет не только наблюдать, но и достойно играть роль приглашенного гостя; во-вторых, стоило мне слегка задремать, как в дверь моего номера начинали требовательно стучать. Пять или шесть раз я вставал и выяснял, в чем дело, но в дальнейшем просто крыл стучащих через дверь, без тени смущения.

Дело в том, что в эти дни в санатории проходило Всероссийское совещание пожарных, участники которого здесь же и проживали. В номере, в который поселили меня, видимо, был сосредоточен спиртной запас совещания, и при нем жил ответственный. На протяжении нескольких суток, ночью, к нему приходили товарищи по ремеслу, и он исправно выполнял свои обязанности, что, согласитесь, не бог весть какой грех. Но затем этого «ответственного» по каким-то причинам переселили в другой номер, никого об этом не оповестив. Так что сослуживцы разных званий и должностей – кто по привычке, кто по выработанному рефлексу, а кто просто по незнанию – стучались в номер, где уже, к моему несчастью, располагался я, а не заветный запас.

Уже к двум часам ночи по стуку в дверь я мог безошибочно определить воинское звание и даже должность визитера. Те, кто постарше чином, стучали более требовательно и решительно, а один полковник вообще барабанил в дверь кулаком; брандмейстеры помельче стучали тише и не так настойчиво; а остальные, видимо из прапорщиков и рядовых, тихо и даже виновато скреблись. Но жест и выражение лица у одних, других и третьих были одинаковыми. На лице большой вопросительный знак, в соединении с уважением ко мне, а жест – сжатый кулак с двумя крайними оттопыренными

пальцами. И, представляете, все эти надежды и чаяния вмиг сменялись жесточайшим разочарованием! Такое трудно вынести даже пожарным. Хорошо, что совещание их к этому времени уже заканчивалось, а не начиналось...

Все же наступило утро седьмого июня. Я уже давно не видел настоящего солнечного утра, потому что живу в Москве, да еще прямо на Садовом кольце, то есть в таком месте, где, несмотря на солнце, сразу и не поймешь – утро это или уже вечер. А здесь! Тишина, свежесть, простор, птицы щебечут...

Однако любоваться этими красотами было некогда. Надо спешить на завтрак, и мы с Режиссером, спустившись на второй этаж и пройдя длинным коридором, подошли к огромной столовой, где могли одновременно разместиться... даже не знаю сколько человек. На двери, перед входом, две надписи, одна из которых строго запрещает вход в столовую *«посторонним лицам»*, а другая так же строго запрещает *«вынос из столовой посуды и столовых приборов»*. Обратил я внимание и на висящий в золоченой раме План эвакуации – неперенный атрибут всякого серьезного учреждения. Такие планы висят и в коридорах, и даже в каждом номере, указывая стрелками куда эвакуироваться, случись какое-нибудь несчастье. Здесь же, в фойе, выставлено различное пожарное оборудование, самая современная техника пожаротушения, включая скафандры, как у космонавтов.

К пожарным в Торжке отношение особое. За свою историю этот небольшой город выгорал полностью девять раз. А не полностью – и не сосчитаешь. Поэтому здесь одна из старейших и опытейших пожарных команд в России да еще и завод «Пожтехника». Где, как не в Торжке, проводить подобные мероприятия! Однако к пушкинским праздникам, если не считать ночных визитов ко мне, совещание брандмейстеров никакого отношения не имело.

Итак, в столовой почти все столы были заняты участниками совещания, которые мирно завтракали, готовясь к своим профессиональным делам. На специальных тележках им подвозили

тарелки с едой. Колеса этих тележек хотя и скрипели, однако, все же не так, как на аналогичных тележках в самолетах «Аэрофлота». Но если в самолетах этот скрип соперничает с шумом реактивных двигателей, то в столовой санатория «Митино» он сведен на нет несмолкаемым гвалтом посудомоек, разносчиц, поваров и прочего обслуживающего персонала, которые находятся где-то в глубине столовой и постоянно между собой бранятся. Так что скрип тележки способен уловить только очень утонченный или, как у меня, придирчивый слух.

Гостей пушкинского праздника разместили за отдельными двумя столами. А нас с Режиссером, по моей просьбе, за еще более отдельным, находящимся где-то за кухней, да еще за большим шкафом. Обслуживали, точнее, развозили еду румяные, дородные женщины, которые при этом вели себя так же очень шумно, перекрикиваясь через весь зал. Еда вроде простая, но для завтрака ее было уж очень много. Вот меню завтрака седьмого июня:

1-е блюдо:

1. Ветчина с овощами;
2. Шницель мясной жареный с гречей;
3. Шницель мясной паровой с вермишелью;
4. Яйца всмятку.

Слово «всмятку» в меню было зачеркнуто карандашом. Видимо, яйца «всмятку» в это утро не получились.

2-е блюдо:

1. Пудинг из творога со сметаной;
2. Шницель капустный со сметаной;
3. Рулет с изюмом;
4. Каша рисовая молочная;
5. Чай, сахар, масло.

Меню предлагалось накануне, и каждый должен был карандашом отметить, какое именно из предложенных блюд он

предпочитает. Против каждого блюда указывалось количество калорий, а на оборотной стороне меню подробно рассказывалось о значении витаминов. Например, витамин Д – антирахитический, регулирует солевой обмен; витамин В-2 необходим для процесса регенерации; витамин РР предохраняет от пеллагры... и так далее. Еще важно было отметить карандашом в меню номер своего стула (именно стула, а не стола!), чтобы добросовестные разносчицы пищи не перепутали блюда и не принесли вам заказ соседа. Сами блюда были такие, что даже половину, и даже четверть их, съесть было невозможно. А еще давались очень пышные ватрушки с творогом, а кто не хотел ватрушек, тому предлагались такие же пышные сладкие булочки. После двух-трех кусочков ветчины и утреннего парового шницеля, с вермишелью или гречей, такая булочка со стаканом сметаны – в самый раз!

И не надо ёрничать. Для нашего человека, купившего дорогостоящую путевку в санаторий на двадцать четыре дня, такие завтраки очень кстати. Он и подкрепится, и наберет вес, и отдохнет за эти дни, кроме того, в санатории его подлечат, а там, на целый год, опять тяжелая работа, серые однообразные будни, житейские проблемы, и далеко не каждый завтрак будет вот таким обильным...

Вообще, если уж мы заговорили о еде, надо сказать несколько слов о котлете. Не о конкретной котлете из меню санатория «Митино», а о нашей русской Котлете. О ней до сих пор мало сказано и еще меньше подумано, совершенно несопоставимо с действительным статусом и значением котлеты для жизни нашего «некоторого царства некоторого государства». Ведь если о дорогах наших и наших же дураках написаны многие томы, то о котлете отечественными мыслителями не сказано почти ничего. И, действительно, чего им о котлетах думать, говорить, тем более писать? Их надо с аппетитом уплетать, и все тут. А между тем котлеты наши – достояние национальное и явление сугубо отечественное. Можно объездить весь мир и не найти даже крохотной холодной котлетки, столь любимой и знакомой всем жителям нашей страны. Я

думаю, у нас не в почете стейки и прочие куски мяса (хотя и от них мы при случае не отказываемся) от нашей природной гуманности и сочувствия ко всякой живой твари. Как ни крути, а кусок мяса – это неотъемлемая часть животного, и не какого-нибудь, а своего, домашнего, почти родного – коровы или свиньи. Котлета же, как правило, имеет отношение к этим невинным животным чисто символическое и со всеми добавками является продуктом скорее вегетарианским, нежели мясным. Оттого наша сердобольная душа не очень тяготится при поедании котлет и перед Богом чувствует себя менее виновной, чем душа какого-нибудь англичанина или француза, жующего *roast-beef окровавленный*. И вообще, котлеты – это нечто органически для нас приемлемое, нечто свое, родное, вроде картошки или хлеба. Только картошку и хлеб едят и кроме нас, а вот чтобы кто-то еще ел котлеты, да в таком количестве, – мне не известно... А сколько рецептов приготовления котлет! Пригласите пять наших российских хозяек и спросите, как они готовят котлеты. Тотчас узнаете пять совершенно разных рецептов. Спросите у десяти – получите десять рецептов, поинтересуетесь у сотни – узнаете сто разных способов приготовления котлет, и так бесконечно, потому что столько, сколько есть у нас хозяек, ровно столько и способов приготовления котлет... А сколько разновидностей у котлеты! Так сказать, «псевдонимов»: это и шницели, и биточки, и бифштексы, и тефтели, и всякие прочие «ёжики», которые сопровождают нас по жизни и не выводятся ни из меню домашнего, ни из меню общепитовского... А как их оттуда убрать? Чем заменить? Ведь котлеты устраивают не только тех, кто их поглощает. Тут не остаются внакладе ни повара, ни снабженцы, ни прочие близкие к общепиту работники. Да и в наших домашних условиях, когда над хозяйкой, словно дамоклов меч, витает вопрос «*Чем накормить?*», – котлета, иной раз, спасительный выход из многих затруднительных ситуаций. А ну, попробуй сделать стейк из килограмма нашего магазинного мяса да еще потом накорми этим килограммом человек пять-шесть! А так, его можно прокрутить через мясорубку, добавить чесноку, лука, перца, соли, пару яиц, затем сунуть туда побольше раз-

мягченного белого хлеба, а дальше все это обваливается в муке, и уже не видно ни прожилок, ни сала, ни прочего, чего, может, и есть-то нельзя. И пока всего этого не видно, приходит черед сковороды, и уже слышен ни с чем не сравнимый звук шкворчания, а еще через мгновение разносятся по квартире и подъезду запахи жареного. Соседи завидуют, а если бы еще знали, что будет к котлетам роскошный гарнир: макароны, картофельное пюре или хотя бы та же греча с жареным луком... Чем не пир! Кто хоть раз возражал против котлет? Есть ли такие у нас? Я их не знаю. И что еще для нашего человека важно – котлеты, как правило, остаются! Их можно хранить много дней, и ничего с ними не случится. Согласитесь, иной раз достанешь из холодильника такую котлету, к ней солёный огурчик или квашеную капустку, да еще ко всему этому ледяной водочки... А еще можно такую котлету брать с собой куда угодно: на работу, в поход, в дальнюю дорогу... Иностранцы хватаются за голову: «Там ведь жир! В холодном виде это опасно для желудка! Вредно для здоровья!» ...Ничего не понимают эти иностранцы. Какой еще жир, какой желудок и какое здоровье, если котлета – то небольшое, от чего нам хорошо? А если хорошо, то и полезно. Или не так?.. Нет, недаром и Александр Сергеевич своему закадычному другу Соболевскому советовал:

*На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке...*

Слышите?! Наш национальный поэт настаивал – «именно котлет»! А Пушкин знал толк и в котлетах. На то он и Пушкин!..

Итак, из всего меню мы с Режиссером съели лишь шницеля да еще поковырялись в творожном пудинге, извлекая из него горы изюма.

– Чего не едите? – строго спросила нас подошедшая разносчица.

Режиссер тихо сказал, что в такое время вообще не ест, а я признался, что пытаюсь похудеть.

– Где ж там худеть? И так одна кожа да кости, – громко и сочувственно произнесла добрая русская женщина.

Из жалости к нам или, может, из уважения к гостям пушкинского праздника, она принесла нам свежезаваренный чай с лимоном. (Для всех чай здесь заваривается в больших чанах, разливается затем в чайники, которые и подают: один на два или три стола.) Но, как это бывает со щедрой русской душой, кружки лимона, положенные или, скорее, засунутые в наши стаканы, были такими толстыми, что пить чай было просто невозможно. Мы, конечно, не подали виду, а Режиссер сразу вспомнил, что Пушкин не любил чай.

– Терпеть не мог, когда у него просили на чай, а не на водку. А когда ему приятель однажды сказал, что обычай пить чай благодетелен для нравственности и этому надо бы радоваться, Пушкин неожиданно сказал, что пить чай не русский обычай.

– С чего это он, как вы думаете? – спросил я.

– Кто его знает? Может, ему однажды лимона переложили.

Еще немного посидев за столом, мы, поблагодарив персонал, удалились.

Через несколько минут мы с моим другом расстались. Он будет отдыхать по своей собственной программе, в то время как у меня, помимо участия в празднике, запланированы несколько встреч в разных частях города.

Пока же я, вместе с другими гостями, ждал, когда нас отвезут на Троицкие гуляния. Так было договорено накануне, хотя «гуляния» эти в пяти минутах ходьбы.

Прогуливаясь по территории санатория, я обратил внимание на то, как жители Митина шли на открытие праздника. Путь их проходил по узкой тропинке, мимо железного забора, которым окружен санаторий. Я, не напрягаясь, мог слышать их разговоры: поскольку люди шли вдоль забора цепочкой, им приходилось говорить довольно громко, чтобы собеседнику было слышно.

Странно, но почти все они обсуждали одно и то же. Как вы думаете, что?.. Вот этот самый забор и обсуждали.

Оказывается, его недавно покрасили, видимо, к началу совещания пожарных, и это обстоятельство не могло остаться незамеченным окрестными жителями. У нас ведь если что замечено, значит тут же и обсуждается.

– Иностранцы умные люди! – громко и с укором обращалась полноватая женщина к идущим впереди двум мужчинам, один из которых был, несомненно, ее мужем. – Вот приехали, и сразу им забор покрасили, а мы – дураки! Ничего не можем, порядка не любим, сколько времени забор стоял, ржавел, хоть бы что...

– При чем здесь «умные иностранцы»? Просто взяли и покрасили, – возразил, не оглядываясь, муж, явно почувствовав при слове «дураки» камень в свой огород.

– А ты на меня не ори!.. Так просто у нас ничего не покрасят... Вон автобусы стоят... Иностранцы приехали! А они, иностранцы, умные люди, у себя все наладили. Это не мы, дураки! – с еще большей убежденностью ворчала женщина.

Так они, продолжая спор, спускались вниз, к мосту через Тверцу, и уж о чем они говорили там – неизвестно. А следом шла еще одна семья, и вновь жена высказывала претензии мужу:

– Надо же, а все говорят, краски у них нет. Пришла в управление, говорю: «Налейте баночку!» Сказали: «Нет краски». А на забор нашли! Вот ворьё!

– Какое «ворьё»?! Покрасили – и слава Богу! – успокаивал муж.

– Ворьё-ворьё! Кругом одно ворьё! – не унималась жена.

– Я тебе в понедельник принесу такой краски сколько угодно...

– Тоже, значит, где-нибудь своруешь!..

Но тут было замечено, что я прислушиваюсь к чужому разговору, парочка замолчала, а я направился обратно, в сторону санатория. Навстречу попался милиционер, этот санаторий охранявший. Он попросил у меня сигарету, а я не удержался от рассказа о только что услышанном. Милиционер не удивился, но сказал, что все они, еще неделю назад, возмущались как раз

обратному: что, мол, начальство забор никак не покрасит, и оттого он ржавеет и пропадает...

Пока жители Торжка, Митина, Прутни и других окрестных сел и деревень съезжаются и сходятся на праздник, пока гармонисты расчехляют гармони, а тверские девушки наряжаются в яркие одежды, пока народные умельцы вытаскивают из коробов сувениры и поделки и до открытия «гуляний» еще остается некоторое время, я предлагаю вам редкий исторический материал или, иначе, документ эпохи, знакомство с которым, уверен, будет не лишним для более полного представления о значимости пушкинских праздников вообще и в героическую эпоху в частности. А познакомлю я вас с несколькими страницами из дневника, который некогда вел один аккуратный и добросовестный научный сотрудник Тверского Областного Архива при НКВД.

Николай Венедиктович Журавлев вел дневник на протяжении нескольких лет, а затем, видимо, сдал его в архив. Спустя десятилетия дневник обнаружила одна пытливая парижанка – Вероника Гаррós, которую волнуют те наши проблемы, кои нас самих почему-то беспокоят все меньше: ГУЛаг, Большой террор, Сибирь, сталинизм и вообще советская неизвестная история... Так вот, этот Журавлев, судя по дневнику, был большим любителем литературы. В 1936 году он в составе делегации Тверской области в такие же июньские дни побывал на пушкинском празднике в Михайловском, Тригорском, Пушкинских Горах и оставил свои простецкие, ненавязчивые записи, с которыми самое время познакомиться.

Итак, выдержки из дневника Журавлева:

«5/VI – 36 г. Едем... Салон-вагон председателя Калининского облисполкома тов. В.Ф.Иванова (вагон N10) обставлен в подлинном смысле слова комфортабельно. Нас 17 человек. Мы делегаты г.Калинина, Торжка и Старицы на 1-ю областную пушкинскую конференцию. При размещении всем мест в купе не хватило. Нас четыре человека: я, зав.детской библиотекой Макаров, доцент

Педагогического Института Ковач и литературный сотрудник отдела культуры и быта тов. Н.И.Попов, разместились в самом салоне.

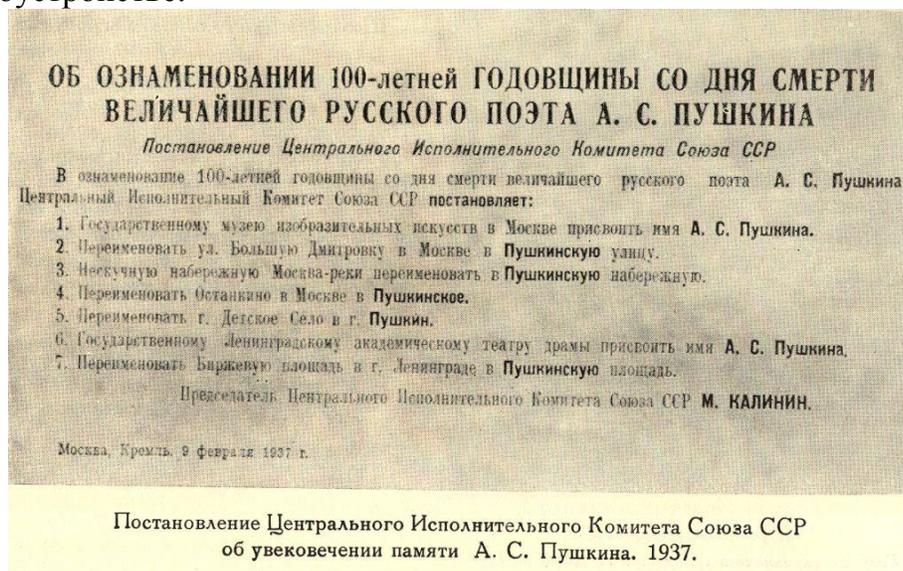
Большие зеркальные окна с плотными занавесками, множество электрических лампочек, мягкая мебель, телефоны, письменные столы – такова обстановка этого вагона. Право, немногие квартиры могут дать такие удобства, как этот на вид почти обычный вагон. В Калинин нас прицепили в хвост состава. Из заднего окна открывается прекрасная панорама на убегающие вдаль рельсы, обрамленные зеленым бархатом лесов. Стройные ряды телеграфных столбов и живописные озера, которыми особенно богата местность от Вышнего Волочка до Старой Руссы, – мелькают перед нашим взором... Итак, едем к Пушкинским местам. На станцию Тригорская должны были прибыть в 6 часов утра 6-го июня.

Пушкинский юбилей 1937 г. Ленинград. Демонстрация трудящихся в день юбилея Пушкина.
Фотография. 1937.

6/VI – 36 г. Прекрасное солнечное утро. Наш вагон, отцепленный от товарного поезда, стоит на запасном пути на станции Тригорская. Все спят. Один из товарищей, тов. Попов, проснулся, но и он еще не собирается вставать и нежится на своем диване.

Дорога оставила великолепные воспоминания. Я, конечно, говорю не о качке, не о скорости передвижения. Хотя ни на то, ни на другое пожаловаться нельзя. Я имею в виду местность, по которой колесил наш поезд, преимущественно после станции Бологое. Валдайская возвышенность, озера, полноводные красавицы реки, стройные хвойные леса, живописно раскинувшиеся деревушки, холмы, поля – все это было бесподобно. На станции Дно мы пытались ознакомиться с достопримечательностями этой исторической станции, где был задержан последний поезд Ник.П Кровавого, но стоянка оказалась незначительной... ..Но мы успели выйти на виадук и оттуда окинули “с высоты птичьего полета” станционный поселок. Он утопал в зелени. Зелень придает особую прелесть этой местности. Ночью, во время стоянки, мы предполагали осмотреть старинный Псков. Но нашим предположениям осуществиться не удалось. На станции Псков мы стояли не больше часа. Поужинали на вокзале, а затем прошли по площади, прилегающей к вокзалу. Сравнивали Псков с городом Калининым. Судя по железнодорожной станции, Псков далеко отстал от нашего областного центра в благоустройстве.

В вагоне провели совещание 5-ти. Участники: т.т.Голосовский, Б.Полевой, Н.И.Попов – от “Пролетарской Правды”, т.Вершинский А.Н. – профессор пединститута и я, как краевед. Вершинский вкратце рассказал о Пушкинских местах, я кое-что добавил. Снабдил

тов.Голосовского книгами, захваченными мною по этому предмету в дорогу, и своими выписками о Пушкине, Салтыкове, Достоевском и других.

Вид, открывающийся из наших окон, очень недурен. По одну сторону холмы, леса, поселки. Виднеется небольшое озеро. По другую сторону полотна также видна деревушка, залегшая по пологому скату холма.

Станция не блещет великолепием. Нам сказали, что в скором времени здесь будет построен прекрасный вокзал. Пока же станционное здание напоминает сарай... Очевидно, вскоре проснутся все. Тогда двинемся вместе в Михайловское и посмотрим все Пушкинские достопримечательности...

В Большом театре на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина, 10 февраля 1937 года. Слева направо: В. М. Молотов, И. Е. Сталин, С. М. Буденный, А. А. Андреев, А. И. Микоян.

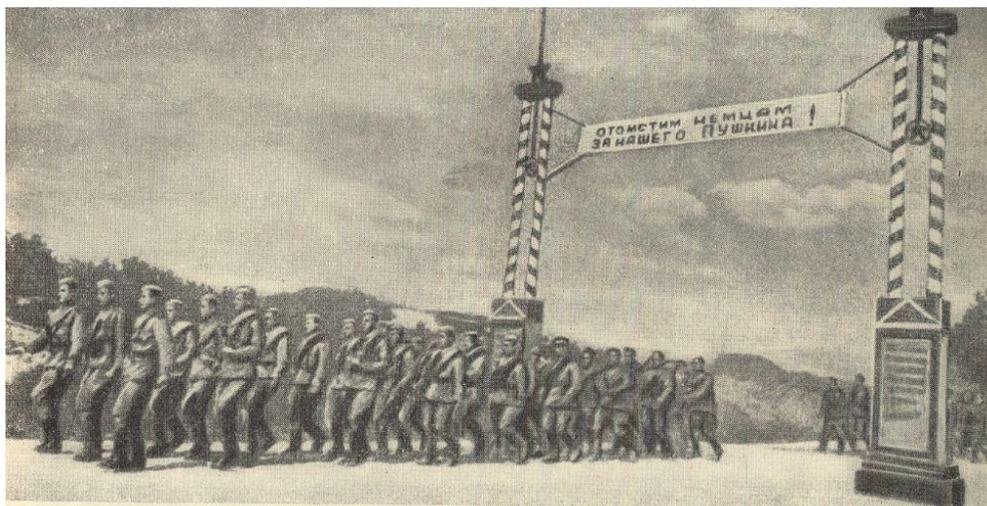
Фотография 1937.

7/VI – 36 г. Утром проснулся раньше всех. Мы на обратном пути в Калинин. Едем по старой дороге. За окном снова разворачивается и стремительно пробегает панорама лесов, полей, холмов и рек, раскинувшихся от станции Тригорская до ст.Псков.

Спешу описать впечатления о вчерашнем дне. Он был так богат переживаниями, так переполнен прекрасным, что для его подробного

описания у меня не хватило бы ни возможности, ни сил. Нужен подлинный художник слова, чтобы описать изумительный народный праздник в честь гениального поэта, которым мы имели счастье любоваться и в котором участвовали сами вчера.

На станцию Тригорская мы прибыли ранним утром. Наш вагон поставили на запасный путь. Отсюда, в досталь выпавшись и побывав на соседнем озере, что за льнозаводом, мы на автомашинах по четыре человека в каждой отправились в районный центр – Пушкинские Горы. На автомобиле мы были доставлены в Тригорское (в столовую). Здесь царило большое оживление. Множество колхозников, приехавших на праздник, пришли сюда выпить стакан чаю. Одна за другой сюда же прибывают делегации. Наша, Великолукская, Себежская и проч. Столовая явно не справляется, да и не может справиться с таким наплывом людей. Обычная в таких случаях суета и беготня и бестолочь отмечает работу обслуживающего персонала.

Вступление Советской Армии в Пушкинские горы, освобожденные от немецко-фашистских захватчиков 15 июля 1944 г.

Фотография. 1944.

Приезд секретаря райкома тов. Богова помогает нам быстро получить завтрак и в сопровождении специального проводника (комсомолки-зоотехника) из Пушкинских Гор мы по лесным тропинкам пешком отправились в Михайловское.

Нет возможности описать эту небольшую прогулку. На каждом шагу мы восхищались открывающимся видом. Жадно спрашиваем, где какие села. Издали любимся Тригорским парком, который так любил Пушкин, всматриваемся в погост Вороницы, с которым связана история непревзойденной драмы Пушкина “Борис Годунов”. По пути любимся крестьянскими строениями в деревне Бугрово, среди которых множество изб сохранили старинный облик.

Но вот, минув два леса, мы вступаем на территорию заповедника. Это граница Пушкинских владений. Какой прекрасный сосновый лес! Он незаметно сливается со старым барским парком и мы движемся по знаменитой сосновой аллее (еловой аллее), которая существовала и в Пушкинские дни. По бокам вдоль аллеи развешены портреты лучших ударников. Здесь галерея знатных колхозников – стахановцев района.

В Михайловском осмотрели музей. Домик, где он размещен, позднейшей постройки. Экскурсия получилась и была интересной, хотя ничего нового из объяснений руководителя о Пушкине мне почерпнуть не удалось. После осмотра единственно сохранившийся

от пушкинских времен домик няни Арины Родионовны, осматривали фундамент старого, сгоревшего дома Пушкиных. От этого дома сохранился только фундамент.

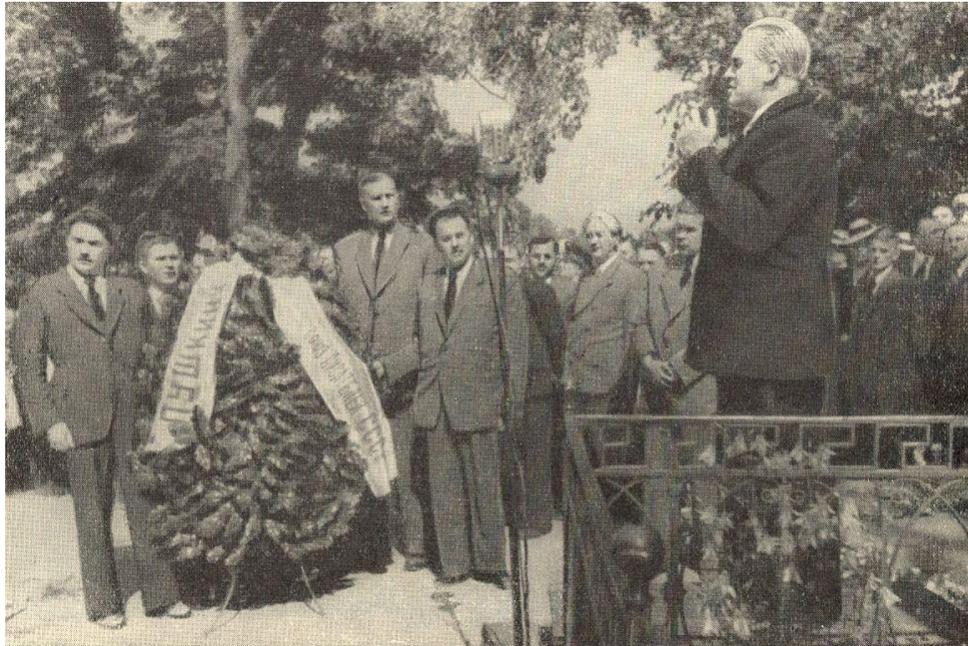
Москва. Торжественное юбилейное заседание Всесоюзного пушкинского комитета, посвященное 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в помещении Государственного академического Большого театра 6 июня 1949 г.

Доклад о Пушкине заместителя генерального секретаря Союза советских писателей Константина Симонова. Фотография. 1949.

Полюбовавшись видами с горы на реку Сорочь и озера Кучане и Маленец, мы спустились вниз, где уже начались торжества. Множество людей... По официальным данным на праздник явилось 13,5 тысяч человек, однако, на самом деле пришло, по-видимому, больше: не менее 25 или 30 тысяч. Большие деревянные разукрашенные трибуны и эстрады собрали вокруг себя тысячи гостей. Перед открытием митинга мимо трибуны во весь опор скачут одна за другою, гремя бубенцами, колхозные тройки, разукрашенные зеленью, разноцветными лентами и цветами. На них проезжают лучшие ударники района, имена которых опубликованы в районной газете “Пушкинский Колхозник”.

11 июня. Продолжаю прерванную запись о Пушкинских днях.

Стоял жаркий летний день. Солнышко на поляне припекало так сильно, что мы, не занимая места около трибуны, разместились под деревом на склоне холма. Около нас радиорупор. Мы думаем здесь со всеми удобствами прослушать митинг.

Пушкинский юбилей 1949 г. Выступление Н. С. Тихонова при торжественном возложении венка на могилу А. С. Пушкина от Союза советских писателей.
Фотография. 1949.

Митинг еще не начался. Делегаты еще собираются. Над толпой появился аэроплан. Он разбрасывает праздничные листовки. Зрелище прекрасное. Листки, подхваченные ветром, серебряным потоком спускаются на землю, где их расхватывают ребята и разносят, раздавая присутствующим. Не довольствуясь этим, летчики решили "пленить своим искусством свет". Началось с мертвых петель. Затем машина снизилась, летает низко и вот-вот зацепит за верхушки деревьев. На этой высоте летчики сделали штопор. Машина быстро летела вниз. Вот она почти касается поверхности озера Кучане. Летчик включил мотор. Аэроплан рванулся вверх, но зацепился колесами шасси за воду, пропеллер ударяет по воде, море брызг.

Аэроплан делает "капот", перевортывается через носовую часть и падает в озеро вверх колесами. Толпа ахнула... Все ринулись к озеру. Быстро летят лодки, раздеваются люди и спешат к месту падения машины. "Летчики спасены!" – проносится по рядам толпы. "Машина цела!" ...Вскоре начинается митинг. Выступает секретарь Пушкинского Райкома ВКП(б) т.Беспрозванный, редактор "Пролетарской Правды" т.Голосовский, секретарь Великолукского Округкома ВКП(б) т.Енов, представители Академии наук, колхозники и артист Шварц с декламацией Пушкинских стихотворений. После митинга парадом прошли Осоавиахимовцы. На трех эстрадах выступали ленинградские артисты и колхозники. Участники карнавала, ряженные в костюмы героев Пушкинских произведений, под гармошку водили на эстраде хоровод.

Мы направились снова в Михайловское. На крылечке домика няни любовались группой ряженных учениц средней школы, которые изображали Татьяну, Ольгу и няню из "Евгения Онегина", Марию из "Полтавы" и пр. Хотели пойти в Тригорское, но часть делегатов, тяжелая на подъем, воспротивилась. Вместо этого нам дали руководителя – научного сотрудника М.М.Колоушина, рассказ которого о Пушкинских местах был чрезвычайно интересен. Вот пруды, которые были и во времена поэта. А вот знаменитая липовая аллея. Здесь произошло известное свидание А.С.Пушкина с А.П.Керн, запечатленное в прекрасном стихотворении: "Я помню чудное мгновенье...".

М.М.Колоушин рассказывает нам о Тригорском, о скамье Онегина, и вместе с его рассказом Пушкинский заповедник дает ключ к пониманию многих стихотворений Пушкина.

Пионеры Артека на Пушкинской скале
в Гурзуфе читают Пушкина.
Фотография. 1949.

Осмотрев заповедник, возвращаемся в Пушкинские Горы. Побывали в Святогорском монастыре. Здесь, около ворот, Пушкин слушал песни и рассказы слепцов, здесь на ярмарках он смотрел хороводы, записывал народные песни.

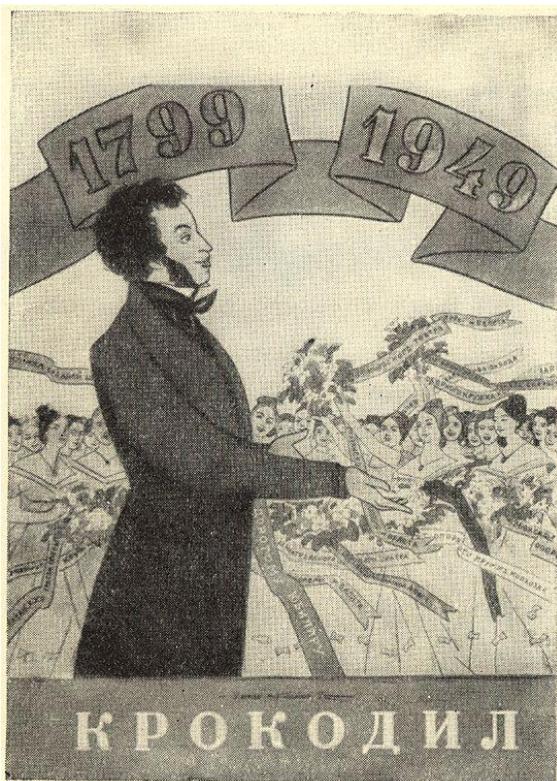
Памятник невзрачный. По этому памятнику можно судить, как ценило царское правительство поэта, которого оно затравило и толкнуло под дуло револьвера Дантеса.

Дети слушают произведения Пушкина.
Фотография. 1949.

Вечером была 1-я областная Пушкинская конференция. От нас выступали гг. Вершинский, Старицкий и Новоторжские делегаты. Я воздержался. Причина – нежелание сказать о Новгородских архивах, т.к. это только помешало бы нам сосредоточить архивы области в своих хранилищах. Ночью вернулись в вагон. Долго спорили о прогулке в Тригорское и, наконец, решили не ходить. На заре поезд тронулся в обратный путь...»

В заключение в записях о поездке Журавлев приводит содержание памятной листовки, которую разбрасывали над толпой бедовые летчики:

„Ужель та самая Татьяна“.

Рисунок В. Горяева на обложке юбилейного номера журнала „Крокодил“. 1949.

«Товарищи работницы и рабочие, колхозники и колхозницы, и все трудящиеся Пушкинского района!

В 1935 году вождь и учитель трудового народа тов. Сталин сказал: "Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее" и это каждый трудящийся нашей страны чувствует повседневно.

Под руководством партии Ленина-Сталина неизмеримо выросла культура в нашей стране и если Пушкин мечтал, чтобы его произведения попали в гущу народных масс:

*Слух обо мне пройдет по всей
Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в
ней язык,
И гордый внук славян, и финн,
и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей
калмык...*

И если бессмертные произведения создателя русского литературного языка до Октябрьской революции были недоступны широким народным массам, то теперь едва-ли найдешь человека, не знающего основных произведений Александра Сергеевича Пушкина. Рост культуры в нашей стране, а это значит и рост агротехнических знаний, доведенных до широких колхозных масс, значительно повышает урожай наших полей, значительно увеличивает продукцию и доходы колхозников.

Товарищи! В нашем районе проделана первая часть большой работы за культуру, за агротехнику. Поля с большими видами на урожай говорят об этом. Дальнейшая борьба за урожай является для нас насущной необходимостью.

Наш Пушкинский район не может ограничиться знанием только основных произведений Пушкина, мы должны бороться за то, чтобы каждый колхозник и каждая колхозница знали все, что создано Пушкиным и советской художественной литературой.

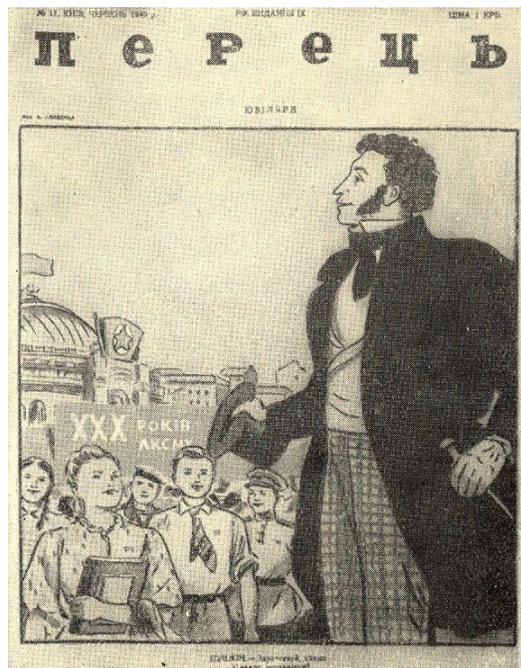
Большевистская партия ведет всех к культуре, борется за то, чтобы каждый трудящийся был зажиточным и культурным.

Спасибо товарищу Сталину за радостную, зажиточную, культурную жизнь!

Да здравствует великая Советская литература!

Да здравствует колхозный – стахановский труд!

Да здравствует партия Ленина-Сталина – организатор наших побед!

„Здравствуй, племя младое, незнакомое...“

Обложка журнала „Перец“.
Рисунок В. Гливенко. 1949.

Районный комитет ВКП(б)»

Вот как было у нас с агрокультурой, просто с культурой, с литературой и с самим А.С.Пушкиным. И ведь не так чтобы уж очень давно...

Теперь мы с еще большим удовольствием вернемся в Торжок, в деревню Василёво, на живописный берег Тверцы...